

БЕСЕДА ОСМНАДЦАТАЯ.

После объда возникъ у Сократа съ Красоткинымъ разговоръ о томъ, кому принадлежатъ и где находятся, такъ называемыя, вторичныя качества вещей. Красоткинъ выражался неопределенно, что они „принадлежатъ“ материальными вещамъ. отъ нихъ „происходятъ“, или же „зависятъ“, постоянно ссылаясь на точныя науки. Тогда Сократъ просилъ его выражаться точно и однообразно и когда рѣчь пошла о сильѣ, цветѣ и теплотѣ, то также требовалъ точного отвѣта, где они начинаются, какъ движутся и доходятъ до насъ. Съ своей же стороны онъ утверждалъ, что во всѣхъ этихъ вопросахъ даже у представителей естество-видѣнія господствуетъ неопределенность и смѣшаніе понятий. Въ сущности Сократъ приводилъ Красоткина къ вопросу, какъ внѣшнее движение матеріи становится ощущеніемъ, т. е., нашимъ внутреннимъ состояніемъ. Но Красоткинъ не удовлетворяетъ его, отдѣльваясь разными, по его мнѣнію, научными терминами: впечатлѣніе, раздраженіе, движеніе нервного вещества, давленіе матеріи на нервы и, наконецъ, видя несостоятельность своихъ объясненій, весьма грубо прерываетъ разговоръ и уходитъ. Послѣ ухода Красоткина, бесѣда снова возбуждается вопросомъ Алексія Карамазова о реальному существованіи матеріи. Сократъ доказываетъ нереальность матеріи, какъ тьмъ, что тьмъ реального пространства, где бы она могла существовать и двигаться, такъ и тьмъ, что понятіе матеріи противорѣчитъ самому себѣ. При дальнѣйшемъ теченіи бесѣды, разговаривающіе переходятъ къ понятію причинности и сю происхожденію. Здѣсь пройдѣ всего Сократъ предостерегаетъ отъ обычаго смышенія

понятій причины и винищняго міра. Прямо, по мнінню Сократа, идея причины не ведетъ къ признанію винищняго міра; къ нему мы приходимъ путемъ лишь долгаго опыта, соединеннаго съ актами мышленія и вывода. Къ этимъ актамъ даютъ поводъ наши собственныя функціи, каковы, напр., влечение или воля, ощущеніе и движение. Мало-по-малу на почвѣ этихъ дѣятельностей образуется признаніе бытія винищихъ дѣятелей, и далъе при образованіи идеи пространства—бытія матеріальныхъ вещей. Затѣмъ уже возникаетъ общее абстрактное понятіе причины.

Когда мы часовъ въ 6 возвратились домой съ прогулки, то я и Калгановъ вошли въ кабинетъ посмотретьъ, всталъ-ли Сократъ. Онъ еще спалъ съ легкимъ прихрапываніемъ, но отъ шума нашихъ шаговъ проснулся и, потягиваясь, сказалъ: „Эхъ, господа, какой вѣщій сонъ я сейчасъ видѣлъ! Будто бы я умеръ и тотчасъ же мнѣ, неизвѣстно откуда, послышались голоса какихъ-то существъ, которыя разсуждали, гдѣ я долженъ возродиться и какъ предстоитъ мнѣ дѣйствовать въ новой фазѣ бытія. Подробности этого разсужденія у меня сейчасъ вылетѣли изъ памяти, но общій смыслъ его былъ тотъ, что я буду существовать въ такихъ условіяхъ, при которыхъ не буду вовсе знать о пространствѣ, а только объ одномъ времени, т. е., что для меня исчезнутъ понятія: рядомъ, подлѣ, вверху, внизу и т. п., а останутся только: прежде, теперь, потомъ. Далѣе какой-то голосъ началъ было объяснять, какъ, соотвѣтственно этому исчезновенію идеи пространства, у меня измѣняются умственные и другія стороны жизни... но въ это мгновеніе вы и разбудили меня. Досадно, что не удалось послушать далѣе!“

На это Калгановъ съ хохотомъ сказалъ: „И слава Богу! что мы васъ разбудили, а то, если бы вы дослушали этотъ сонный бредъ, то и вывалили бы намъ его, какъ философскую истину. Вотъ, погодите-ка, ужо Красоткинъ совсѣмъ разбудить васъ отъ этого философскаго сна!

Вставши, Сократъ захотѣлъ умыться, а мы съ Калгановымъ по-

шли въ столовую, гдѣ уже всѣ собирались къ обѣду. Калгановъ сей-часъ же рассказалъ о видѣнномъ Сократомъ снѣ, а Поспѣловъ спросилъ у Катерины Ивановны: „ужъ не вѣритъ-ли Сократъ въ спиритизмъ, гдѣ тоже проповѣдуютъ что-то о переселеніи, или перевоплощеніи душъ?“

Карамазова. Нѣтъ, въ спиритизмъ-то онъ не вѣритъ! Да, вѣдь, ужъ вы, кажется, слышали, какъ онъ надъ нимъ подсмѣивается! Но въ перевоплощеніе онъ вѣритъ и увѣряетъ, что можетъ доказать это отъ разума. Однако, не говорите ему, что я вамъ проболталась объ этомъ, потому что онъ будетъ на меня сердиться!

Карамазовъ Алексѣй (къ Поспѣлову). Я немного дополню вамъ сказанное мою женою объ этомъ мнѣніи Сократа. Онъ думаетъ, что человѣческая субстанція, существующая вѣчно, постоянно находится въ особой тѣсной связи съ нѣкоторыми другими субстанціями, которые кажутся намъ нашимъ тѣломъ и которыхъ смѣняются либо отчасти ежедневно и ежеминутно, либо разомъ, въ томъ случаѣ, когда мы умираемъ. Вотъ эту-то *смѣну разомъ* и можно, по его мнѣнію, назвать *перевоплощеніемъ*. Говорить же объ этомъ онъ не любить съ людьми, которые не согласны съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Въ комъ же онъ видитъ единомышленника или подающаго надежду на то, передъ тѣмъ онъ иногда высказываетъ и о своемъ допущеніи перевоплощенія но, однако, понимаетъ его совсѣмъ не такъ, какъ спириты.

Въ это время вошелъ въ столовую Сократъ; и хозяйка, пригласивъ гостей сѣсть за столъ, приказала подавать обѣдъ, который начался тихо; всѣ, повидимому, проголодались и усердно ъли и пили. Когда же къ жаркому подано было шампанское, добытое Иваномъ Карамазовымъ черезъ посредство его католическихъ пріятелей, то мало-малу языки развязались. Сперва, по предложенію Катерины Ивановны, поздравляли дочь Сократа съ прекрасно выдержанымъ экзаменомъ и адресовали ей различные добрыя пожеланія, потомъ Калгановъ сталъ поддразнивать Сократа сильными возраженіями, которые приготовилъ ему Красоткинъ. Когда же, наконецъ, убрали со стола и

подали самоваръ, то Сократъ объявилъ Красоткину, что онъ отдаетъ себя въ его распоряженіе.

Красоткинъ. Когда я давеча до обѣда слушалъ вашъ разговоръ съ Иваномъ Федоровичемъ, то очень жалѣлъ, что онъ допустилъ философское дѣленіе качествъ вещей на *первичныя* и *вторичныя*. Конечно, вы сейчасъ же воспользовались этимъ, и, посредствомъ разныхъ словесныхъ фокусовъ отобравъ у материальныхъ вещей вторичныя качества: цвета, запахи, вкусы и проч., объявили ихъ продуктами нашего духа, будто бы перенесенными изъ насъ на вещи. Такъ какъ эти вторичныя качества, въ особенности же цвета, не отдѣлимы отъ первичныхъ, напр., протяженности, то вы тотчасъ же и тоже словеснымъ фокусомъ отняли у материальныхъ вещей и первичные качества, такъ что оказалось, что никакихъ качествъ, а съ ними и самихъ материальныхъ вещей въ природѣ не существуетъ, а есть только духи, о которыхъ вы, конечно, можете фантазировать, какъ вздумается. Что же касается до меня, то я *не согласенъ на это дѣленіе качествъ* на первичныя и вторичныя, а признаю только тѣ качества матеріи, которые изучаются точными науками: физикой, химіей и физіологіей.

Сократъ. Ужъ коли пошло на *точность*, которой вы все хотите меня прижать, то ужъ извините, что и я позволю себѣ нѣкоторые „точные“ вопросы. Если всѣ качества: и первичныя, и вторичныя, принадлежать вещамъ, то (стуча пальцемъ по стакану), вотъ, этотъ звукъ, который мы слышимъ, принадлежить стакану или нѣть?

Красоткинъ. Это что же? Вы опять принимаетесь за свою діалектику? Ну, хорошо! я утѣшу васъ и отвѣчу: конечно, стакану!

Сократъ. Ну, а розовость, напр., на щечкахъ Анны Михайловны, принадлежить ей? или кому?

Серебрякова (сердито). Опять пошли эти противныя сладимости — ручки, да щечки!

Красоткинъ (улыбаясь). Конечно, розовость принадлежить — не щечкѣ, а просто щекѣ Анны Михайловны.

Сократъ. А что стаканъ и Анна Михайловна?.. Матерія или духъ?

Красоткинъ. Ужъ разъ навсегда сказано, что духовъ никакихъ нѣть; значитъ, все—матерія! Само собою разумѣется, *не одна и та же*, а разная матерія: есть *не органическая*, а есть *органическая*.

Сократъ. Такъ, вотъ, скажите: одной-ли и той же матеріи принадлежитъ звучность и розовость, вообще цвѣтность.

Красоткинъ. Ну, тутъ есть иѣкоторое различіе, на которое, какъ я вижу, вы и хотите бить. Есть матерія *въсомая* и *не въсомая*. Такъ вотъ звучность принадлежитъ въсомой, а цвѣтность происходитъ отъ невъсомой матеріи.

Сократъ. Зачѣмъ же цвѣтность только „*происходитъ*“, а не „*принадлежитъ*“, какъ звучность. Нѣть, вы ужъ скажите какой матеріи „*принадлежитъ*“ цвѣтность?

Красоткинъ. Опять начались *философскія придирики!* Надѣюсь, что вамъ извѣстно, что ощущеніе звука зависитъ отъ движенія волнъ воздуха, а ощущеніе цвѣта отъ колебаній эфира. Воздухъ же есть матерія *въсомая*, которую обыкновенно называютъ *веществомъ*, а эфиръ—матерія *не въсомая*.

Сократъ. Значить, цвѣтность въ концѣ концовъ не „*принадлежитъ*“ и не „*происходитъ*“, а „*зависитъ*“. Но, вѣдь, всѣ эти слова означаютъ далеко не одно и то же! А теперь желательно бы знать: какъ же ощущеніе свѣта и цвѣта зависить отъ эфира?

Красоткинъ. А зависитъ такъ, что черезъ эфиръ передаются свѣтовые и цвѣтовые лучи и доходятъ до насть.

Сократъ. Коли *передаются* эти лучи, то я позволилъ бы себѣ спросить, гдѣ они начинаются или зарождаются?

Красоткинъ. Это ужъ и малому ребенку извѣстно, что свѣтовые лучи идутъ отъ солнца, и что солнце есть главный источникъ свѣта и теплоты на землѣ. Матеріальные молекулы, составляющія солнце, двигаются съ удивительною быстротою и передаютъ энергию своего движенія эфиру.

Сократъ. Но я все-таки не могу понять, отчего же „зависить цвѣтность“ и гдѣ она зарождается? въ вѣсомой матеріи или же въ эфирѣ? Что же необходимо, чтобы были свѣтъ и цвѣта? вѣсомая матерія или же вѣсомая? Вѣдь, изъ вашихъ словъ выходитъ, что для свѣта, цвѣта и теплоты всего нужнѣе энергической движенія частицъ солнца, т. е., вѣсомой матеріи. Эфиръ же служитъ только передатчикомъ отъ солнца къ землѣ энергіи движенія его частицъ. Все равно какъ если бы я написалъ письмо къ вамъ и послалъ съ посыльнымъ; онъ вѣдь, не былъ бы ни причиною, ни собственникомъ письма. Что касается до меня, то я давно уже не любитель излишнихъ передаточныхъ ремней, особенно въ области Разуваева, т. е., торговлѣ, а потому хотѣлось бы обойтись и безъ вашего посыльного, т. е., эфира. Вѣдь, вѣсомая матерія солнца могла бы, кажется, прямо передать свою свѣтовую и тепловую energiю вѣсомой матеріи земли. Для меня даже самый терминъ: не вѣсомая матерія, звучить странно. Это какъ бы: не материальная матерія, ибо одно изъ основныхъ свойствъ приписываемыхъ тому *фантому воображенія*, который называется матеріей, а именно, непроницаемость есть, по моему, не что иное, какъ субстанцірованіе и проекція того дѣйствительно сознаваемаго нами ощущенія, которое называется давленіемъ и психологически представляеть одну изъ формъ мускульного чувства, оно-то собственно и дало поводъ къ образованію понятія давящей и препятствующей давленію тяготѣющей, наконецъ, вѣсомой матеріи, а далѣе привело къ понятію силы притяженія, тяготѣнія и т. д.

Красоткинъ. Что же, по вашему, свѣтъ и теплота должны двигаться въ пустомъ пространствѣ безъ материальнаго *субстрата*. Нѣть, ужъ современная наука вполнѣ освободилась какъ отъ духовъ, такъ и отъ пустоты, весьма удобной для дѣйствія духовъ. Эфиръ и наполняетъ небесное пространство, такъ какъ вѣсомая тяготѣющая матерія наполнять его не могла бы.

Сократъ. Но и вашъ эфиръ все-таки не спасаетъ отъ пустого пространства, ибо, если есть движеніе, то есть и пустота. Вѣдь, мо-

лекулы и атомы двигаются въ промежуткахъ между ними: значитъ, эти промежутки пусты. Такъ или нѣть?

Красоткинъ (смѣется). По философіи это, можетъ быть, такъ, а у нась въ естественныхъ наукахъ промежутки между молекулами и атомами наполнены эфиромъ.

Сократъ. Читывалъ и я кое-что о томъ, что въ промежуткахъ молекуль и атомовъ вѣсомой матеріи находится невѣсомая. Читаль также, что будто каждый атомъ вѣсомой матеріи облекается со всѣхъ сторонъ атомами эфира. Впрочемъ, какъ, по вашему, нужно понимать эфиръ: состоящимъ изъ атомовъ или же сплошнымъ?

Красоткинъ. Конечно, тоже изъ атомовъ!

Сократъ. Ну, если изъ атомовъ, то между ними непремѣнно есть пустые промежутки, безъ которыхъ невозможно было бы этимъ атомамъ двигаться и колебаться. Значить, отъ пустоты вы никакъ не уйдете, если понимаете и принимаете пространство и движеніе за реальность, а не за одну только видимость.

„Но я, однако, опять возвращаюсь къ своему вопросу: *гдѣ же начинается цветность*; въ колеблющемся-ли эфирѣ между небесными тѣлами, или же въ промежуткахъ атомовъ вѣсомой матеріи, и какъ она продолжается и доходитъ до нась. Мне казалось бы, что если свѣтъ, цвѣта и теплота зависятъ отъ невѣсомой матеріи, отъ эфира, то не зачѣмъ еще припугивать сюда вѣсомую матерію и быстрыя движенія ея молекулъ и атомовъ въ солнцѣ. Если каждый атомъ вѣсомой матеріи дѣйствительно окружень атомомъ эфира, то совершенно достаточно было бы, что всюду и вездѣ цветность, свѣтъ и теплота передавались бы только эфиромъ и что эта передача шла бы не только отъ солнца къ землѣ, но и за солнцемъ, отъ какой-либо звѣзды, напр., Сиріуса и даже дальше за Сиріусомъ отъ конечнаго предѣла пространства, если у него есть таковой. Но все-таки мой вопросъ, гдѣ начало цветности, этимъ еще не подвинулся бы къ решенію ни на одну іоту?

Красоткинъ (сердито). Да что же вы? дѣйствительно-ли не имѣете

элементарныхъ понятій въ естественныхъ наукахъ, или же притворяется ради какого-то... философскаго... ужъ извините меня, шутовства? Развѣ вы не знаете, что колеблющійся эфиръ дѣлаетъ *впечатлѣніе* на нашу ретину, въ которой потомъ начинается молекулярное движение, идущее по нервамъ къ зрительнымъ центрамъ мозга, послѣ чего и получаются свѣтъ, теплота и цвѣта.

Сократъ. Пусть это будетъ, по вашему, „шутовство“ съ моей стороны, но я все-таки долженъ спросить васъ, что значать ваши слова: „эфиръ дѣлаетъ впечатлѣніе на ретину“.

Красоткинъ. Ну, если вамъ не нравится *научный терминъ*: *впечатлѣніе*, то я вместо него употреблю другой, который также въ ходу у ученыхъ: именно, *раздраженіе*.

Сократъ. А мнѣ все таки неясно, что значитъ: раздраженіе. Должно-ли разумѣть подъ раздраженіемъ, напр., чувство недовольства, злобы, страха, когда мы думаемъ, что кто-либо насъ ненавидитъ, презираетъ или хочеть намъ сдѣлать вредъ? Или же слова: „эфиръ раздражаетъ ретину“, нужно понимать, какъ прикосновеніе, давленіе, ударъ, толчекъ, треніе въ родѣ того, какъ мы, напр., одной рукой щекочемъ по ладони другой? Какъ по вашему.

Красоткинъ (съ большимъ раздраженіемъ). Нельзя не подивиться, что люди, принадлежащіе къ европейскимъ научнымъ знаменитостямъ, какъ, напр., Гельмгольцы, Гексли, Вундты и проч., употребляютъ и понимаютъ термины: *впечатлѣніе* и *раздраженіе*, а наши.... философы.... не хотятъ употреблять и не понимаютъ ихъ. Но если ужъ вамъ такъ угодно, то въ *впечатлѣніи* и *раздраженіи* эфиромъ ретины рекомендую вамъ не усматривать, чьихъ бы ни было мыслей и чувствъ, а понимать эти слова только такъ, что эфиръ *механически* давить или точнѣе дѣлаетъ *толчокъ* на ретину и тѣмъ *возбуждаетъ* въ ней молекулярное движение.

Сократъ. Ну и прекрасно! значить, гдѣ бы ни давнуль, или ни толкнулъ эфиръ ретину, тамъ и зарождается свѣтъ и цвѣтность?

Красоткинъ. Да, вѣдь, я вамъ сейчасъ сказалъ, что тамъ начинается молекулярное движение нервнаго вещества.

Сократъ. А мнѣ нужно знать, гдѣ начинается *свѣтъ и цвѣтъ*? Или, можетъ быть, по вашему, свѣтъ и цвѣтъ и есть само это молекулярное движение нервнаго вещества? Тогда, кажется, къ чему бы эфиръ? вѣдь, давнуть или толкнуть ретину могла бы и вѣсомая матерія, напр., хоть кровь, протекающая въ сосудахъ ретины и т. п.

Красоткинъ (тѣмъ же тономъ). Ну, ужъ, извините: разговаривать съ вами можно развѣ только натощакъ, а не пообѣдавши. Молекулярное движение идетъ къ мозговымъ центрамъ, въ данномъ случаѣ къ зрительнымъ.

Сократъ. Значить, въ зрительныхъ центрахъ и зарождаются свѣтъ и цвѣта? или какъ?

Красоткинъ. Въ зрительныхъ центрахъ и далѣе въ мозговой коркѣ распространяется молекулярное движение, которое еще не есть свѣтъ и цвѣтъ. Для нихъ нѣжно еще наше ощущеніе.

Сократъ. Вотъ этого то я отъ васъ *давно добивался!* Но, вѣдь, для „нашего ощущенія“ необходимы „мы“; и такъ какъ далѣе, по вашему, ничего, кроме матеріи, и нѣтъ, то значитъ, и „мы“—матерія. Поэтому то я ужъ васъ и попрошу *открыть мнѣ*, изъ какой матеріи составляются эти „мы“? Невѣсомая матерія эфира еще не „мы“, ретина, которую толкаетъ эфиръ и далѣе молекулярное движение нервнаго вещества, все это, какъ видно изъ вашихъ словъ, еще не „мы“. Значить, изъ всего, что мы называемъ, для „мы“ остаются центры, а, можетъ быть, мозговая корка или, можетъ быть, черепъ или ужъ я не знаю что! Но чтобы это ни было, во всякомъ случаѣ эти „мы“ и есть *самое главное условіе* для того, чтобы были ощущенія свѣтъ и цвѣта. Теперь я еще попросилъ бы васъ помочь моему незнанію вотъ въ чёмъ. Нужно-ли чтобы молекулярное движение въ нервномъ веществѣ въ свою очередь *толкнуло* или *давнуло* этихъ „мы“? и далѣе какъ свѣтъ и цвѣта распредѣляются или помѣщаются въ

тѣхъ же „мы“, когда они ощущаютъ свѣтъ и цвѣта. Вѣдь, конечно, свѣтъ и цвѣта не пребываютъ въ какомъ либо духѣ, а, будучи сами матеріей, помѣщаются и простираются тоже въ какой-либо матеріи, которая у васъ называется „мы“ и которая ихъ ощущаетъ. Вотъ что я попросилъ бы васъ объяснить мнѣ?

Красоткинъ (крайне озлобленнымъ тономъ). Ну, ужъ вы извините меня, а на этотъ разъ я, наконецъ, *сдержу* давно данное себѣ слово, никогда не бить по-пусту языкомъ, разговаривая съ вами о научныхъ предметахъ. Къ этому убѣжденію еще прежде меня пришелъ Иванъ Антоновичъ, который теперь въ Царскомъ и у которого я обѣщалъ сегодня быть, но чуть было и не забылъ за пустыми разговорами...

Затѣмъ Красоткинъ обратился къ Поспѣлову и спросилъ, не желаетъ-ли и онъ вмѣстѣ отправиться къ Шугаеву. Но когда Поспѣловъ довольно сухо отказался идти съ Красоткинымъ, то онъ, сдѣлавъ общій поклонъ хозяевамъ и ихъ гостямъ, быстро вышелъ изъ комнаты.

Послѣ этого Алексѣй Карамазовъ, повидимому, непріятно пораженный выходкой Красоткина, послѣшилъ замять этотъ инцидентъ и обратился къ Сократу съ слѣдующими словами: „надѣюсь, что вы, Сократъ Ивановичъ, извините нелѣпое раздраженіе, которому поддался Красоткинъ, а также не станете сердиться на меня, какъ хозяина и стараго пріятеля Красоткина. Я не знаю, что это нынче съ нимъ случилось, потому что никогда не видалъ его въ подобномъ раздраженіи, которому удивляюсь, такъ какъ зналъ его всегда за человѣка сдержаннаго....“

Сократъ (прерывая). Само собою разумѣется, что я ничего противъ Красоткина, а тѣмъ болѣе противъ васъ не имѣю. Причина же раздраженія его для меня, какъ нельзя болѣе, понятна и корениится въ *неправильномъ пониманіи* въ настоящее время отношенія наукъ другъ къ другу. Господа естествовѣды, привыкшіе преклоняться предъ своими знаменитостями такъ же, какъ средневѣковые схоластики

преклонялись предъ своими „несокрушимыми, серафическими, херувимскими и т. под.“ докторами, думаютъ, что и всѣ смертные обязаны удовлетворяться и наслаждаться „научнымъ воляпюкомъ“, по выражению нашего знаменитаго писателя, или темными словами вродѣ: „впечатлѣніе, раздраженіе, возбужденіе, заряженіе, разряженіе и т. п.“, какъ будто этотъ „воляпюкъ“ есть какое то неприкасновенное, непререкаемое божественное откровеніе. Поэтому, когда недоучившійся въ университетѣ „чиновникъ посторонняго вѣдомства“ осмѣливается просить объясненія терминовъ этого „научнаго воляпюка“ и не удовлетворяется предлагаемыи ему объясненіями, потому что въ нихъ только *паки и паки* повторяется все тотъ же „воляпюкъ“, то исповѣдники научнаго символа вѣры *возбуждаются, заряжаются и разряжаются* въ одну сторону анафематствованіями противъ сомнѣвающихся въ ихъ „воляпючномъ“ катехизисѣ, а въ другую славословіями и призываніемъ именъ творцовъ этого новаго символа. Вотъ такъ-то и Красоткинъ....

Карамазовъ Алексѣй (прерывая его). Такъ если вы, въ самомъ дѣлѣ, ни на кого не сердитесь, то ужъ позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ по поводу вашего разговора съ Красоткинымъ. Неужели же вы ни въ какомъ смыслѣ, ни со всевозможными ограниченіями не признаете реальнаго существованія матеріи.

Сократъ. Я уже не разъ заявлялъ, что не могу допустить этого существованія, потому что для реальнай матеріи нужно реальное пространство, а оно только наша идея, обѣ образованіи которой я вамъ уже говорилъ. Слѣдовательно, пространство и кажущееся въ ней движение матеріи не существуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не существуютъ въ этомъ пространствѣ и цвѣта, звуки и всевозможныя другія ощущенія, подъ которыя подкладывается нами все одна и та же *мнимая* матерія, въ качествѣ ихъ *носителя и причины*. Конечно, не существуютъ также и протяженныя, непроницаемыя тѣла, которыя суть не болѣе, какъ продукты нашей фантазіи, слагающей ихъ изъ ощущеній. Впрочемъ, обѣ этомъ догадываются даже самые простые люди, когда

они, напр., видять, по ихъ мнѣнію, зеркала, а въ зеркалахъ—протяженныя, цветныя, гладкія, шероховатыя и мягкія тѣла или вещи и т. п.

Карамазовъ Алексѣй. Я вотъ что попросилъ бы васъ, если это для васъ возможно. Не отрицать существованія матеріи на томъ только основаніи, что для нея и ея движеній нѣтъ пространства. Нельзя-ли какъ нибудь вамъ опровергнуть ея существованіе, не трогая пространства, ибо въ его несуществованіи, пожалуй, еще труднѣе убѣдиться, чѣмъ въ несуществованіи матеріи.

Сократъ. Вы сейчасъ, по моему, справедливо замѣтили, что вѣра въ пространство для людей, впрочемъ, уже давно болѣе или менѣе упражнявшихся въ различныхъ актахъ мышленія, внѣдряется, пожалуй, гораздо сильнѣе, чѣмъ вѣра въ реальность образовъ вещей, такъ что дѣлается возможнымъ мнѣніе даже у философовъ, что можно отвлечься отъ всѣхъ вещей, т. е., мыслить ихъ не существующими, но нельзя, отвлечься отъ пространства. Но, однако, эта вѣра образуется у людей гораздо позже, чѣмъ вѣра въ реальность образовъ, потому что идея пространства образуется у настъ уже на почвѣ сложившихся изъ отдѣльныхъ ощущеній ихъ комплексовъ, т. е., образовъ вещей. Слѣдовательно, доказывать сперва несуществованіе матеріи, а потомъ перейти къ заключенію о несуществованіи пространства, въ которомъ она, повидимому, распространяется и движется, въ сущности будетъ потруднѣе.

Но, желая исполнить ваше требованіе, я рискну на это доказательство, которое будетъ состоять въ томъ, что понятіе матеріи противорѣчитъ само себѣ. Вѣдь, мы разумѣемъ подъ матеріей то, что принадлежитъ самимъ тѣламъ, помимо разныхъ ихъ свойствъ и качествъ, высказываемыхъ нами о нихъ, и что дѣлаетъ тѣло объектомъ мысли, къ которому относятся наши мнѣнія и опредѣленія. Если же при такомъ понятіи матеріи мы отвлечемся отъ всѣхъ этихъ, высказываемыхъ нами, опредѣленій и мнѣній о свойствахъ и качествахъ

тѣль, то спрашивается, что же тогда остается для матери? Остается только мысль о какомъ-то совсѣмъ непредставимомъ и непостижимомъ нѣчто, которое исключаетъ всякое реальное сознаніе, воспріятіе и затѣмъ познаніе. Но, вѣдь, такое *ничто* ничѣмъ не отличалось бы отъ *ничто*.

Поспѣловъ. А что если я, по поводу вашихъ послѣднихъ словъ, сдѣлаю вамъ такое возраженіе?! Вы, какъ мнѣ кажется, допускаете слишкомъ большой *произволъ* въ возможности отвлекаться. Конечно, если мы *произвольно отвлечемся* отъ всякихъ понятій, то ничего не останется; но, вѣдь, тогда не останется и почвы для какихъ бы то ни было споровъ и доказательствъ.

Сократъ. Вы дѣлаете сейчасъ въ вашемъ мнѣ возраженіи своего рода *сophистическую уловку*, которую я опровергну тѣмъ, что когда мы отвлекаемся отъ какой бы то ни было мысли или понятія, то еще это не значитъ, что мы отвлекаемся отъ *возможности* для понятія. При отвлеченіи для насъ какъ бы исчезаютъ понятія, но ео *ipso* вовсе *не исчезаетъ сознаніе*, составляющее условіе всяческихъ понятій и познаній и составляющее основу для нашего понятія о бытіи. Отъ сознанія абсолютно нельзя отвлечься, ибо оно дано намъ въ абсолютныхъ актахъ сущаго. На новорожденнаго ребенка можно смотрѣть какъ на *существо*, какъ бы *отвлекшееся* отъ понятій: онъ ничего не понимаетъ, напр., изъ того, что у взрослыхъ выражается терминами: *ощущеніе*, мускульное чувство, *осознаніе*, *свѣтъ*, *цвѣта*, *боль*, *радость*, *горе* и т. под. Тѣмъ не менѣе ребенокъ все это, несказанное для него, *сознаетъ*; и если бы онъ умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія—положимъ, черезъ нѣсколько дней—то все таки онъ участвовалъ бы въ бытіи не тѣмъ, конечно, что мы другіе, а не онъ, видѣли бы или осозали бы его тѣло, кости и проч.—въ этомъ заключались бы только основанія для нашего умозаключенія о его бытіи—но тѣмъ, что онъ пережилъ бы въ своей индивидуальной субстанціи и что было бы недоступно нашему, т. е., чужому видѣнію, *осознанію* и проч., но что несомнѣнно было бы и вѣчно (безвременно) осталось

бы, либо сущее, какъ условіе для познанія, не возникаетъ и не уничтожается.

Сказавши эти слова, Сократъ помолчалъ съ минуту и видя, что Постѣловъ ничего ему не возражаетъ, продолжалъ свою рѣчь въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ, по моему, все равно придемъ-ли мы къ *отрицанію матеріи*, выходя изъ небытія реального пространства, или же прямо будемъ отрицать ее на основаніи противорѣчій, заключающихся въ ея понятіи. Хотя кромъ сейчасъ приведенныхъ основаній противъ реальности матеріи можно было бы привести и еще кое-какіе аргументы, но я, пока, считаю этотъ вопросъ исчерпаннымъ.

Карамазовъ Иванъ (къ Сократу). Но скажите, пожалуйста, неужели же мы избрѣтаемъ отъ себя всѣ эти образы. Вѣдь, хотя мы и можемъ выдумать цѣлые романы, но, однако, всѣ обстоятельства и событія въ этихъ романахъ все-таки похожи на то, что мы видѣли, слышали, испытывали и т. п. Вѣдь, мы безъ всякаго желанія или намѣренія съ нашей стороны встрѣчаемся съ окружающими нась вещами, точно также, какъ не по своему произволу придаемъ имъ кубическую, круглую или другую какую форму, разные цвета; или не произвольно, вѣдь, считаемъ ихъ далекими или близкими отъ нась и пр. и пр. На чёмъ же нибудь да зиждется вся эта испытываемая нами принудительность въ нашихъ образахъ и ощущеніяхъ въ ихъ родѣ и способѣ. Что же можетъ быть причиной этой принудительности, какъ не дѣйствіе находящихся въ нась вещей?

Сократъ. Конечно, причина принудительности въ родѣ и способѣ того, какъ намъ кажутся вещи, заключается не только въ нась, но и въ другихъ существахъ.

Карамазовъ (поспѣшно). Значить, всѣ эти окружающія нась вещи сами возбуждаютъ въ нась цвета, звуки, запахи, гладкость, шероховатость, форму и вообще видъ, которые мы имъ приписываемъ.

Сократъ. Вотъ вся и бѣда въ этомъ *воляющіомъ* словечкѣ: *возбуждаютъ*, которое и составляетъ главный корень *матеріализма*.

Словечко: возбуждаютъ, неизбѣжно разрѣшаются въ понятія: ударяютъ, толкаютъ, давять и пр. пр. Тогда возникаетъ неизбѣжный вопросъ. Ето или что же давить и ударяетъ. На этотъ вопросъ неизбѣжно отвѣчаютъ такъ, что какъ будто эти самыя вещи возбуждаютъ, давять и толкаютъ. Въ такомъ фальшивомъ пониманіи вещи являются *причинами*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ только *слѣдствія*.

Карамазовъ. Но чого же онѣ слѣдствія?

Сократъ. *Нашего взаимодѣйствія* не съ кажущимися намъ вещами, которыя, вѣдь, суть только слѣдствія этого взаимодѣйствія съ подлинными вещами, которыя *не кажутся*, а дѣйствительно *суть*. Все, что кажется, существуетъ только въ насть, а что *не кажется*, *а есть на самомъ дѣлѣ*, обѣ этомъ мы никакого прямого знанія не имѣемъ, а должны угадывать или умозаключать только путемъ мышленія, именно по аналогіи съ собою, т. е., съ тѣмъ, что дано намъ непосредственно. Я уже не разъ высказывался, что всѣ наши познанія не только о другихъ, но даже и о себѣ суть не болѣе, какъ *значки*, т. е., нѣчто не реальное, а умомыслимое, реальное же каждый носить только въ себѣ, т. е., не въ своемъ знаніи, которое можетъ быть *вѣрно* и *ошибочно*, а въ сознаніи, которое реально, но никакимъ значкомъ не можетъ быть выражено такъ, какъ оно непосредственно сознается. Символы же, въ которыхъ мы выражаемся о себѣ и о своей дѣятельности, могутъ служить намъ для того, чтобы ориентироваться въ жизни, но не могутъ способствовать нашему проникновенію въ то, чѣмъ они никогда не могутъ быть, т. е., въ реальность, въ *бытие*.

Поспѣловъ. Мне кажется, что вы, господа, до сихъ поръ избѣгаете самаго первого вопроса, который долженъ разрѣшить всѣ недоразумѣнія о вещахъ, а именно вопроса о *причинности*. Какъ скоро мы затронемъ его, то тотчасъ же совершенно ясно открывается существованіе виѣшняго міра и его дѣйствіе на насть.

Сократъ. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы не различаете *двухъ родственныхъ*, но не тождественныхъ понятій: „міра не я“ и

„внѣшняго міра“, а потому и думаете, что *причина* и *внѣшній міръ* одно и то же. Нѣтъ! это два разныя понятія, и, приходя къ одному, мы еще тѣмъ самымъ не приходимъ къ другому. Сперва не только по понятію, но, даже, и по времени мы приходимъ къ сознанію „міра не я“, а потомъ уже къ сознанію, что этотъ „міръ не я“ есть *внѣшній*, при чемъ внѣшность понимается нами преимущественно въ пространственномъ смыслѣ. Затѣмъ уже позже возникаетъ абстрактное понятіе причины, которое входитъ въ ту обширную область *категорій*, которыми пользуется наше мышеніе для упорядочиванія своихъ объектовъ.

„Внѣшній міръ можетъ существовать или быть дѣйствительнымъ; и мы могли бы страдать отъ этой его дѣйствительности, но въ то же время все таки не имѣть никакого о ней понятія. Только мало по малу и постепенно съ ранняго дѣтства начинаемъ мы путемъ мышленія противопоставлять сначала безсознательно ту или другую нашу дѣятельность нашему *излому существу*, и, конечно, прежде всего съ точки зренія *иъли*. Хотя само собою разумѣется, что и здѣсь, какъ и вездѣ, можетъ случиться, что уже отмѣченное сопоставленіе забывается, потомъ снова вспоминается и т. д., но только это сопоставленіе еще не значитъ, что нами отличенъ и понятъ внѣшній міръ, къ постановкѣ котораго это сопоставленіе ведеть только постепенно. Самый ближайшій поводъ къ признанію внѣшняго міра заключается въ нашей дѣятельности *чувства и воли*. Прежде всего мы различаемъ *пріятное* отъ *непріятнаго*; и естественно начинаемъ стремиться къ первому, а второго избѣгать. Но, однако, некоторое время дитя можетъ страдать отъ движеній другихъ существъ (включая въ нихъ и его тѣло) нисколько не понимая, откуда они происходятъ. Только понемногу оно различаетъ пріятныя и непріятныя для него движенія своего тѣла, которое оно отождествляетъ съ собою. Мало-по-малу дитя начинаетъ точнѣе различать координацію своихъ (и своего тѣла) движеній съ чувствами удовольствія и недовольства. Только тогда возможно для него, сначала смутное,

образованіе идеи виѣшняго міра. Привыкли, что нѣкоторыя его движенія (напр., вкусовыя, слуховыя, осязательныя и т. п.) сопровождаются чувствомъ пріятнаго, дитя вдругъ нападаетъ на такія обстоятельства, что движенія, ведущія къ чувству довольства, совершаются, а результата нѣтъ. Такіе случаи возбуждаютъ у него первоначально смутное заключеніе, что причина отсутствія пріятнаго не въ немъ, а въ чёмъ-то другомъ, но въ ясныхъ формахъ устанавливается это понятіе сравнительно позже. Только когда дитя достаточно ознакомится и овладеетъ своимъ тѣломъ, то является у него поводъ поставить кромъ себя, даннаго въ непосредственномъ сознаніи, и другія себѣ подобныя существа.

Къ этому пути чувства и воли присоединяются и другіе пути, на которыхъ человѣкъ убѣждается въ существованіи виѣшняго міра. Таковъ, напримѣръ, путь ощущенія, которое и до сихъ поръ понимается ложно, т. е., что какъ будто бы оно своимъ содержаніемъ прямо указываетъ на виѣшній міръ; но это ошибка, потому что какъ отдѣльные ощущенія (тоны, цвета, запахи и проч.) говорятъ только о своемъ собственномъ содержаніи, такъ и цѣлые комплексы ощущеній (созерцанія и образы) ничего не говорятъ о виѣшнемъ мірѣ, а только о своемъ собственномъ содержаніи. Идея виѣшняго міра возникаетъ только тогда, когда мы въ своемъ умственномъ актѣ сравниваемъ это содержаніе ощущеній или образовъ съ воспоминаніями, т. е., когда замѣчаемъ, что къ нашему воспоминанію присоединяется что то новое. Тогда мало по малу мы различаемъ содержаніе воспоминаемаго отъ этого новаго; и наше мышеніе ставить это новое, какъ не наше, чуждое, сравнительно съ содержаніемъ идущаго изъ насъ воспоминанія. Такимъ образомъ и возникаетъ идея „не я“ и далѣе идея виѣшняго міра. Затѣмъ, когда у насъ образуется идея времени и пространства, то мы пріучаемся заурядъ понимать это новое, какъ найденное нами въ пространствѣ.

Наконецъ, поводъ къ постановкѣ и познанію виѣшняго міра даетъ и наша дѣятельность движенія. Уже довольно рано ребенокъ начи-

наеть замѣтать, что движенія его тѣла сопровождаются разными пе-ремѣнами въ сознаніи. Такова координація между ощущаемыми, глав-нымъ образомъ въ мускульномъ чувствѣ, криками и слуховыми ощу-щеніями; или къ этому присоединяется также координація между соб-ственнымъ крикомъ ребенка и тепловыми и вкусовыми ощущеніями (вслѣдствіе прихода матери или кормилицы) и т. под. Точно также довольно рано отмѣтается ребенкомъ координація между зрѣніемъ и осязаніемъ и т. под.

Но, однако, во всѣхъ случаяхъ нашей дѣятельности виѣшній міръ не ставится прямо и непосредственно, но его идея пріобрѣтается постепенно путемъ мышенія и вывода, сначала смутного, а потомъ все болѣе уясняющагося, въ которомъ мы пріучаемся отличать дви-женія, причиненные нами отъ причиненныхъ другими существами.

На всѣхъ этихъ путяхъ у человѣка мало по малу образуется, подобно пространству, времени и проч. *абстрактное понятие при-чины*. Такъ какъ мы во множествѣ случаевъ реальныхъ причинъ не знаемъ даже предположительно, то считаемъ за причину *постоянно предшествующее* во времени, а за слѣдствіе *постоянно послѣду-ющее*, при чёмъ сплошь и рядомъ впадаемъ въ ошибку: *post hoc, ergo propter hoc*.

Синайскій. Позвольте, Сократъ Ивановичъ, мнѣ разъяснить одно ваше положеніе, высказанное давеча.

Сократъ. Ну, господа, сегодня я уже совсѣмъ не въ силахъ что-либо разъяснить; и прошу васъ на-дняхъ завернуть для этого ко мнѣ, а теперь попрошу хозяйку дать намъ на прощанье чего-нибудь прохладительного, а пожалуй, и горячительнаго.

Катерина Ивановна распорядилась виномъ и закуской, послѣ которыхъ гости и разошлись.

Платонъ Калужскій.